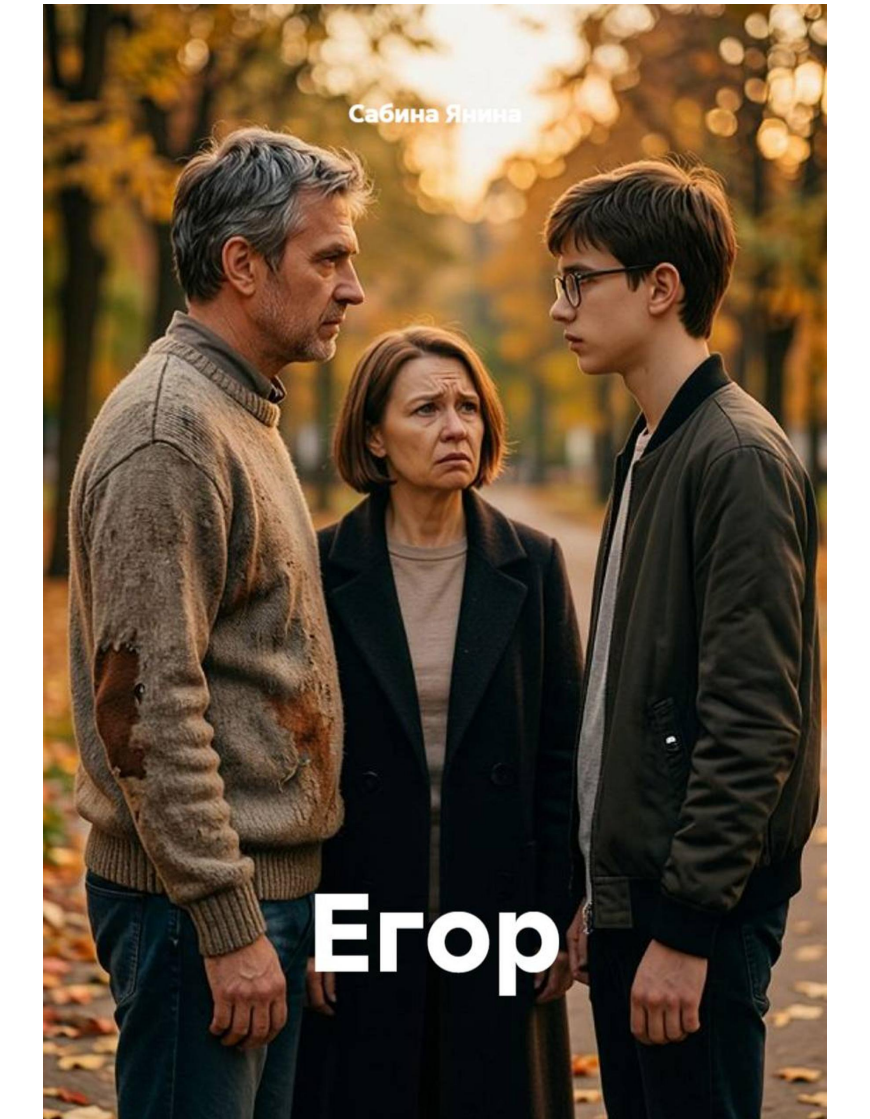

A photograph of three people standing in a park during sunset. On the left is a middle-aged man with grey hair, wearing a worn-out beige sweater and blue jeans. In the center is a woman with short brown hair, wearing a dark coat over a light-colored top, looking distressed. On the right is a young man with dark hair and glasses, wearing a dark bomber jacket over a grey shirt and dark pants. They are all looking towards each other. The background is a blurred park with trees and fallen leaves, bathed in the warm light of the setting sun.

Сабина Янина

Егор

Сабина Янина

Егор

<https://litres.ru/74484438>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Слышь, Гора, а вот Расскажи-ка, как ты дошёл до такой жизни?

— Хм... А то ты не знаешь. На свою лучше полюбуйся, Ботан.

— Оба вы олухи! Жизнь им, видите ли, не в малинку. Живые — и радуйтесь. Бездельники! А ну, быстро за дело!

— Ну, Зинка!

— Одно слово — Зинка!

Они дружили с детства, а потом жизнь и упрямство раскидали их по разным берегам. Один, отказавшись от семейного бизнеса, выбрал путь, который не каждый выдержит; другой из ботана превратился в не знающего преград хакера. И только острая на язык Зинка осталась той же — маленькой язвой с большим любящим сердцем.

Что приготовит им судьба? По каким дорогам разметает? Вернутся ли они в родной городок, чтоб изменившись самим, спасти то, что им дороже всего или сметёт их вихрь российских дорог? Об этом расскажут книги.

Содержание

Глава 1. Васильки	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сабина Янина

Егор

Глава 1. Васильки

— Не, ма, давай лучше этот. Смотри, какой классный! — русоголовый мальчик ткнул пальцем в витрину, где за стеклом таинственно мерцали экранами новенькие смартфоны.

Молодая женщина взглянула на телефон и машинально поправила шерстяную белую накидку, наброшенную на лёгкий шёлковый сарафан, зябко поёжилась:

— Егорка, этот очень дорогой. Папа не одобрит. Он и так недоволен, что я тебя балую... Да и мне... Зачем тебе такой в школу? Может быть, вон тот, красненький?

— Да ну! Девчачий. Лучше уж никакого, — парень с досадой отвернулся.

— Почему девчачий? Аккуратный и довольно большой. Не потеряешь.

Егор отошёл к соседней витрине.

— Пусть будет любой, только не красный, — буркнул он.

— Хорошо. А как тебе этот?

— Какой? — он обернулся.

Она поискала глазами и увидела менеджера по продажам. Прищуриив глаза, прочитала бейджик и позвала:

— Алексей, будьте любезны, покажите нам вот этот аппарат, — и указала пальчиком с безукоризненным маникюром на чёрный смартфон, под которым было написано: «Samsung Galaxy Ace 2».

Продавец поспешил к ней, открыл витрину и достал мобильный телефон.

— Замечательный выбор! — воскликнул он, передавая его ей. — Последняя модель. Всего несколько штук завезли. За пару дней все разобрали. Этот — последний. Вы для молодого человека берёте? — спросил он и, улыбаясь, глянул на Егора.

Тот кивнул.

— Отличная вещь. Контакты, музыка, игры — молодёжная модель. И престижно.

Женщина усмехнулась краешками губ.

Продавец заметил и заспешил:

— Хотя, если желаете, могу предложить...

Она властно приподняла руку, останавливая его:

— Благодарю. Пожалуй, остановимся на этой модели, — и обернулась к сыну, глаза её потеплели: — Ты как?

— Берите! Не прогадаете. А то следующую партию ожидаем уже по повышенной цене... — и осёкся, уловив её властный взгляд, пробормотал: — Сами понимаете: спрос рождает предложение.

Мать с сыном склонились над аппаратом.

— Как тебе? Берём?

— Берём!

— Хорошо, — улыбнулась она. — Оформите, пожалуйста, — с достоинством кивнула она продавцу.

Менеджер невольно чуть поклонился и кинулся за конторку оформлять заказ. В это время у неё зазвонил телефон. Она взглянула на экран, улыбнулась и ответила:

— Да, дорогой! — и, наморщив точёный носик, отстранила от розового ушка телефон. — Что ты нервничаешь? Никуда не пропали. Мы с Егоркой уехали в район. Я захотела сделать ему подарок. Я же предупредила Глашу. Она должна была тебе сообщить.

В трубке зарокотало. Егор было прислушался, но ничего не понял и заметно заволновался. Он побаивался отца. Тому очень не нравилось, что мама, как он выражался, сюсюкала с ним, как с девчонкой, но ничего поделать с нею не мог и порой срывал раздражение на сыне.

— Она ужасно бестолковая. Иван Дмитриевич, я давно говорила, что её надо уволить.

И, послушав ещё немного мужа, вздохнула:

— Я понимаю, что жалеешь. Хорошо. Не волнуйся, мы уже возвращаемся, — и засмеялась. — Сюрприз! Увидишь, когда приедем, — и вдруг рассердилась: — Да не балую я Егора! Господи! Я уже сто раз слышала, каким вы были в его годы! Что ж, прикажете ему зарабатывать себе на подарки? Иван Дмитриевич, вы сегодня совершенно несносны... в такой день... и с нравоучениями. И что, что десять лет? Он

уже вполне взрослый для хороших подарков.

И замолчала, слушая длинную тираду мужа, и, наконец, покосившись на продавца, зашептала, прикрыв ладонью телефон:

— Всё, дорогой, я не могу сейчас говорить. Скоро будем дома. Ладно. Хорошо, — и со вздохом захлопнула крышечку, повернулась к сыну: — Папа волнуется. Сегодня пораньше пришёл домой, а нас нет, — и громко добавила: — Пожалуйста, побыстрее, если можно! Сколько с нас?

Она расплатилась, и Егор получил коробку с телефоном.

Выйдя из салона, они направились к новой белой, блестящей Toyota Camry, двери которой перед хозяйкой услужливо распахнул шофёр — крепкий мужчина невысокого роста, с закатанными по локоть рукавами клетчатой рубашки. Он больше походил на тракториста, чем на водителя иномарки.

— Спасибо, Михаил, — благосклонно кивнула она, садясь, и добавила: — Когда вы только успели её помыть, после наших-то дорог?

Михаил улыбнулся и ничего не ответил, видимо, привык к риторическим вопросам хозяйки, придержал дверцу, в которую следом за матерью запрыгнул Егор, и, захлопнув её, пошёл на водительское место.

— Спасибо, мамуль! Ты самая лучшая! — Егор, одной рукой прижимая к себе коробку с телефоном, другой обнял мать и от души чмокнул её в щёку, не сдержав нахлынувшей

радости.

Она довольно засмеялась, шутливо оттолкнула сына и прошептала ему на ухо:

— Веди себя прилично при посторонних! Ты уже взрослый.

— Ага! — радостно кивнул он и плюхнулся рядом с ней.

И увидел, как шофёр, улыбаясь, подмигнул ему в зеркало, и подмигнул в ответ.

— Давай откроем? — Егор просительно посмотрел на неё снизу вверх.

— Сначала надо отцу показать, чтобы он одобрил, — и открыла сумочку. — Положи пока ко мне.

— Но это же мой подарок!

— Конечно, дорогой, — она погладила сына по ершистым волосам. — Это просто формальность. Проявление уважения. Мы семья и должны уважать друг друга.

Егор сунул телефон в сумку и отвернулся, буркнув:

— Ладно, — и уставился в окно.

Мать недовольно посмотрела на него:

— Почему у тебя такие всклокоченные волосы? Ты что, не причёсываешься?

Егор пожал плечами и провёл ладонью по вихрам, приглаживая, но они тут же взъерошились снова. Она неодобрительно покачала головой и глянула на крохотные золотые часики под розовым стеклом:

— Скоро три часа, а гости соберутся к восьми. Надо бы

тебя к парикмахеру отвести, — она задумчиво перебирала волосы сына.

Тот упрямо отвёл голову.

— Зачем? И так нормально.

— Ничего не нормально. Сегодня соберутся все партнёры отца и чиновники. Даже обещал быть губернатор.

— Какой? — обернулся Егор.

— Новый, конечно, — пожала она плечами. — Хотя, наверное, будет и прежний. Отец бережёт хорошие контакты. А ты в таком виде!

— Да лан. Я вообще могу не выходить к гостям.

— Как не выходить? — ужаснулась мать. — Как не выходить?! А что я скажу гостям? Это крайне неприлично и может подорвать репутацию отца.

— Чего ему репутация-то? — хихикнул мальчик. — Он сам себе репутация. Он же хозяин нашего городка.

Женщина развернулась к сыну всем корпусом:

— Это кто ж тебе такое внушил? — рассердилась она. — Отец не хозяин. Он... он очень ответственный человек. И работает ради блага людей!

Егор даже испугался, никогда раньше его любимая маменька так не сердилась на него.

— Я знаю, мам! Я так и хотел сказать. Ты не поняла, — он привычно прижался к матери и ласково погладил её руку. От прикосновения прильнувшего к ней сына глаза женщины смягчились, она вздохнула, но всё ещё строгим голосом ска-

зала:

— Запомни, Егор, человек никогда ничего хорошего не сделает один. Нужно уважать людей, с которыми делаешь одно дело. Ты понял?

Мальчик кивнул.

Глаза её улыбнулись.

— И вести себя надо так, чтобы и тебя уважали. А ты посмотри на себя! Ты же единственный наследник, а выглядишь... По тебе гости будут судить и о нас. В общем, как приедем, пообедаешь, отдохнёшь и с Афанасием Гавриловичем отправишься в парикмахерскую. Я сейчас договорюсь с Викторией, — и полезла в сумочку за телефоном.

Егор скривился:

— А чего с Гаврилычем-то? Можно, меня Михаил отвезёт?

Мама кивнула, набирая номер парикмахерской:

— Конечно, отвезёт. Но одному, без гувернёра, в твоём возрасте нельзя. Даже по нашему городку. Я категорически против.

Мальчик недовольно отвернулся к окну.

А за окном буйствовал зрелой летней красой август. Если среди кирпичных домов и мостовых райцентра он почти не ощущался, то сразу за съездом на местную двухполосную асфальтированную дорогу он встретил их объятиями ещё зелёного дремучего леса, совсем близко подошедшего к шоссе. Приветливо качнул ветками берёз, усыпанными зе-

лѣными листьями-сердечками, пронизанными светом, зашелестел мохнатыми лапами тѣмных ёлок, заиграл последними всплесками разноцветных оазисов луголесья.

Солнце прошло половину небесного пути и теперь не поавгустовски яростно светило в окно Егора. Он елозил на сидение. Ему было душно и неудобно в тѣмно-зелѣном костюме, которого он терпеть не мог, но мать утверждала, что тот очень подходит к его глазам.

— Что ты? Устал?

— Не. Жарко. Давай окно откроем? — попросил мальчик.

— А тебя не продует?

Он засмеялся, и она кивнула водителю. Тот чуть опустил стекло со стороны Егорки, и сразу пахнуло ванилью и свежескошенной травой. Женщина задумчиво смотрела, как вдоль дороги мелькают жѣлтые плотные соцветия пижмы, которую в народе называли «полевой рябиной». Еѣ крохотные жѣлтые монетки выглядывали из высоких кистей донника, обсыпанных мелкими белыми цветками. И среди этого разнотравья вдруг выныривали фиолетовые островки васильков...

Глаза еѣ чуть подѣрнулись печалью, словно она вспомнила о чѣм-то...

— Ты знаешь, Егорка, когда мы только познакомились с папой, он мне подарил замечательный букет васильков. Это было такое чудо! Как сейчас помню...

Мальчик засмеялся и обернулся к матери:

— Букет васильков — чудо?

— Да, — улыбнулась она. — Именно букет васильков. Я тогда сказала, что люблю полевые цветы, васильки. А были мы в Турции, на каком-то курорте. Теперь уже забыла, но тот букетик до сих пор помню. Твой отец где-то их раздобыл. Так трогательно... Маленькое чудо.

— В Турции? — удивился Егор. — Отстой.

— Это было в двухтысячном году, — словно оправдываясь, сказала она, и, спохватившись, поджала губы: — Не говори так! Что за выражение? Где ты нахватался таких слов? И откуда такое пренебрежение?

— Извини, ма, — пробормотал сын.

Они замолчали. Женщина всё ловила взглядом мелькающие за окном фиолетовые островки. Ей вдруг вспомнилось сегодняшнее утро.

...

Проснувшись, она открыла глаза и ахнула — яркое солнце, радостно озаряя спальню, весело купалось в каплях росы огромного букета, стоящего у окна в большой цветочной кадке. Нежные кремовые розы обнимали и защищали плотные зелёные листья салала... Это было так трогательно, что даже сейчас, вспоминая, у женщины выступили слёзы.

— Проснулась? — сказал тогда муж, входя в спальню. — Поздравляю с рождением сына.

— И я тебя! — счастливо потянулась она к нему.

Он поцеловал её и протянул бархатную коробочку.

— Это тебе. За Егорку.

Она взяла, открыла. Ей показалось, что вместе с ней в коробочку заглянуло и солнце. Его лучи наполнили колье светом и растворились в крупном камне цвета спелой вишни, сделав его живым и глубоким, коснулись прозрачных капель, россыпью окруживших королевский центр, и заиграли, словно капли дождя с радугой внутри...

— Спасибо, милый! — прошептала она.

— Нравится?

— Очень!

Он довольно улыбнулся.

— Вот и славно! Ты вставай. Сегодня у нас с тобой важный день. Вечером соберутся гости. Надо бы... В общем, ты знаешь лучше меня.

— Хорошо. А ты? Побудешь со мной? До вечера ещё много времени. Может, сходим куда? И Егорку возьмём. Съездим в райцентр, купим ему что-нибудь приятное. Посидим в кафе. Поедим мороженое. Мы так давно никуда не выбирались все вместе! А сегодня такой день.

Он озабоченно потёр затылок.

— Ты права. Надо бы нам куда-нибудь выбраться. Давай потом. Может, завтра? Сегодня я никак. Столько дел, да ещё гости. Прости! — он наклонился и поцеловал её в щеку.

...

Машину тряхнуло, и женщина очнулась от воспоминаний. Она смотрела в окно и думала, что у неё всё хорошо: и муж замечательный, уважаемый в городке человек, и сынишка

славный, и дом на зависть многим — полная чаша, как говорится. Что это она вдруг? «А тогда в Турции, когда Иван подарил мне букетик васильков, мы были вместе весь день, и вечер, и всю ночь... И только нам светило солнце, а луна рисовала в море дорожки... Нам было не скучно друг с другом, и мы были счастливы...», — мелькнула вдруг непрощенная мысль и неприятно отозвалась в сердце.

Сын, словно почувствовав отстранённость матери, тронул её за руку:

— Подъезжаем!

Она улыбнулась ему и кивнула:

— Да. Вот и наш Энск.

Шоссе побежало между одно- или реже двухэтажными домиками по обеим сторонам. Иногда попадались почерневшие от времени и покосившиеся избушки.

«Как гнилые зубы», — подумал Егорка, неприятно косясь на них, резко выделяющихся среди цветущих палисадников. «Не могут ремонт, что ли, сделать? Самим же там жить противно».

Он досадливо отвернулся. Принялся рассматривать, как за низкими деревянными штaketниками ярко алели гроздья калины и рябины, зацветали пышные кусты хризантем и висели огромные шапки белых гортензий. А под окнами и вдоль дорожек красовались красные, белые и фиолетовые флоксы.

Дорога обогнула двухэтажное, недавно отремонтирован-

ное и выкрашенное в жёлтый цвет здание мэрии, и, проехав вперёд, свернула на раздолбанную дождями и большегрузами колею, запрыгав по колдобинам.

Здесь домов не было. Справа далеко вперёд тянулись низкие и длинные серые рабочие бараки, а слева — покосившиеся сараи, коробки складов и ангары.

— Ох! — недовольно простонала мама, в очередной раз подскочив на сиденье, — Михаил, поосторожнее, пожалуйста! Нас так выкинет из машины.

— Извиняйте, Анфиса Павловна, я и так стараюсь.

Егор вцепился в поручень и весело подпрыгивал на месте. Его, похоже, это забавляло. Мать недовольно посматривала на него.

— Сын! Не прыгай! У меня от тебя голова кружится.

— Это не я, — засмеялся мальчик, — это Михаил.

— А что Михаил? — добродушно ответил тот. — Сами видите, какая дорога.

— И почему Иван Дмитриевич не приведёт в порядок этот участок, в конце концов?! Невозможно ездить!

— Да бесполезно. И не ездит никто, только грузовики. А они вмиг раздолбают любую дорогу. Тяжёлые больно.

— Как никто не ездит? Мы же вот едем.

— Ну так... Это я свернул пораньше. Сейчас у бараков срежем. Вы ж хотели побыстрее... Вон уже поворот на нашу дорогу, и опять помчим.

Машина затряслась дальше и вдруг резко остановилась.

— Что за чёрт!

— Что случилось? — женщина упёрлась руками в спинку переднего сиденья, а Егор едва удержался, чтобы не боднуть его головой.

Михаил растерянно всматривался вперёд на дорогу.

— Лежит кто-то.

— Кто лежит? Где? — вытянул шею Егор.

— Что там такое? Кого-то сбила машина? Или кому плохо? — заволновалась женщина. — Михаил, пожалуйста, сходите, посмотрите. Может, нужна помощь?

— Да уж. Придётся. Нам так и не проехать...

И, крихтя, вылез из машины. Наступил в грязь и недовольно вытащил ногу, расстроенно глянул на вконец испачканную обувь и брюки. Тяжело вздохнул и пошлёпал к лежащему.

Женщина притянула сына к себе:

— Егорка, сядь, не смотри, — и, опасаясь, что там произошло что-то ужасное, прикрыла ладонью сыну глаза.

— Ну, ма! — вырывался он.

Она отпустила его, но выходить из машины запретила.

Они смотрели, как Михаил опасливо приблизился к человеку. Наклонился, выпрямился и вдруг с досадой плюнул.

— Эй! Слышь, ты! — донеслось до них. — Чего разлёгся? Нашёл место! Иди домой.

Валяющийся на дороге куль приподнялся, и до сидящих в машине донеслось:

— Чё надо? Чё пристал к... ик.. рабо ..ик чело ..ик? По-
шёл ..ик ..на...ик..!

— Ужас какой! — женщина быстро закрыла окно и при-
жала к себе сына. В машине стало тихо.

Михаил почесал в затылке и вернулся к машине.

Женщина чуть приоткрыла окно и вопросительно глянула
на него.

— Пьяный.

— Да почему он здесь-то лежит!

Шофёр пожал плечами и усмехнулся в пушистые усы:

— Видать, не дошёл.

— Как не дошёл? Откуда он в таком виде среди бела дня?

— Свинья грязи найдёт.

— Михаил! — укоризненно произнесла женщина.

— Простите, Анфиса Павловна.

— Что же делать, — растерянno пробормотала она. — Я
сейчас мужу позвоню! — решила она и потянулась к теле-
фону.

— Не надо, Анфиса Павловна. Иван Дмитрич уволит его
враз, а куда ему идти? Нету в городке другой работы. По-
годите, я сейчас ребятам-охранникам с фабрики позвоню.
Придумаем что-нибудь.

Михаил отошёл поговорить по телефону, а Егорка с ма-
мой остались в машине ждать, чем всё закончится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.